

16+

Камила Джорж

Правда белуги

Камила Джорж

Правда белуги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57480826

SelfPub; 2020

Аннотация

Поэма о том, как на рыболовецкую тоню прибыли двое "стажёров", которым в первый же день удалось выловить белугу. Тогда молодые ребята и не подозревали, что за рыба была перед ними. Если бы не щегла – единственная примета, по которой можно было отличить эту белугу от множества остальных. Мёртвая белуга была опознана по своему отличительному признаку. Но кто же причастен к её убийству? Получится ли у борцов за справедливость выяснить, кто является преступником, и удастся ли им его наказать? Об этом читателям и придётся узнать из прочитанной поэмы.

«Правда белуги»

Плесистая река Белужка...

Здесь начинается ловецкая страда!

Она же есть весенняя путина -

Для рыбы многочисленной беда

Опутаны сетями мелководья,

Как будто паутиной скреплены

В заводи и заманихе каждой

В ловушку рыбы все заключены.

Вентерей натыкано уж столько,

Что и пройти-то мудрено!

В здешней рыболовне это норма -

Так уж здесь давно заведено

На тоне с названием Лицевой,

Что лицом к лицу с Каспийским морем,

Первые косяки рыбные берут,

И с этим даже не поспорим.

Как первые взяли,

Так и первыми безрыбье познали.

Филипп Чебуров плотовой тут,

Его начальником той Лицевой избрали,

Не без хлопот работа плотового:

Буксиры подведут десятки караванов,

Рыбу через плот – в цехи,

И на этом пара планов.

Что – в посол, что – в заморозку, что и на консервы,

А ведь рыба не дрова и ждать выливки не будет.
И с тех пор та Лицевая богато снабжает завод.
Рыбой снабжает – никто не забудет.
Краснуха весной пошла раньше обычного,
В одно время с воблой – в начале апреля.
Кассир рассчитала по две с лишним сотни,
И это ль не деньги? За две-то недели!
Чебуров доволен, звеньевые, механик.
Филиппу на пенсию скоро, и он
Мечтает о катере, а между тем
Рабочих нехватка – тому и урон.
Выстаивать вахту в звене самому
Приходится, видит, пятчик маячит.
Привычно орудуя тем пятым колом,
Он сдерживает невод полукилометровый,
Тут видит баркас, подъехали двое.
Кто только не едет за осетровыми!
Вспомнил он случай, как однажды
Человека по службе турнул, не стерпел,
Совсем обнахалился в свой день рождения
И просит осётров двух для гостей.
Теперь же те двое, подплывших к притонку,
Искали начальника. Один из них – Гриша,
Директора завода сын, другой – незнакомый,
Работать в подмогу пришли, но это прослышав,
Не рад был Филипп, покосившись в бумажку,

Где направлялись в бригаду те двое:

Тот самый Гриша и Вагин Пётр,

Чебуров считал это всё никакое

Ни дельце, что, мол, мало проку от этих студентов,

А здесь нужны люди рабочие, крепкие,

Случайным не место, к работе быть терпкими!

«Ты что городской?» – изумился Филипп.

«Не совсем,» – и Петя частично ответил.

«Так стало быть сельский?» – догадался Чебуров.

«Не угадали, товарищ начальник, подмечу,

Что из посёлка городского типа я.»

«Как на завод попал?» – не отставал начальник.

«Слышал, что люди здесь нужны, решил подзаработать малость.»

«Поди надень купальник!

Видать, не знаешь ничего в ловецком деле нашем».

«Мудрёна штука, и в космосе не легче, а ничего – летают»

«Не всем летать. И рыбку есть кому ловить,» – но вот под-

ходит невод

Ребята ждут, за всем происходящим наблюдают.

С изумлением смотрит Вагин на огромных рыбин,

Оказавшихся в том сетчатом мешке,

Лобастые белуги подминают под себя прогонистых се-

врюг и осетров,

Меж ними – вобла, как на гамаке

«Пошли!» – позвал ребят Филипп,

Он в комнате свою, роясь под кроватью,
Достал обновку и скомандовал «девчатам»
Переодеваться в платья.

То были новеньки резиновые сапожки
Да тяжелы оранжевые свёртки – робы.
Определил фонарщиком Гришатку,
Второго – для себя отвёл на пробы.
Тянули рыбаки подбору, и Петя тоже,
Телосложением крепок, для него
Работа оказалась пустяшной,
Другим казалось это нелегко.

«А ну-ка, парень из посёлка городского типа, разо-
мнись-ка!»

Схватил наш Петя белужонка за махалку,
Но равновесие потерял,
На том была рыбалка.

«Под кулаки её бери!» – Филипп хватил под плавники
грудные.

«Тогда она твоя».

Вот так впервые закончились истории речные
Вахта кончилась под вечер, ели осетра
Мастерски Усман разделал.
Работал Усман ещё на шаланде,
Икры пять ведёр тогда ещё делал.
А с этого и вышло полведра!
Он обещал позвать Петра-то в гости

На Марьины с икры-то пироги.

А как узнал, что нет жены у гостя – не беда:

Своих четыре дома дочки,

Отдам любую за него,

И не было у Пети никого:

Детдомовский он был – печальны строчки...

Поехали все после на приёмку

И видят там Аноху, мужичка,

«Не тридцать шесть, а тридцать пять писал» – сказал

Усман,

Филипп сказал: «А где видали простачка?

На книжке у него уже на пять машин хватает»

Усман подумал, как люди всё ж меняются

Он помнил, как в войну с Анохой пацанами были,

А тот и за товарища горой, но качества подобные теряются

Просунул Пётр пальцы в жабры, потянул и отпустил

Зазубрины щеглы-щеки в суставы больно впились

Повреждена был щегла, о том Усману он сказал.

Царапина интересоваться его не стала.

На том се колебания недолго длились.

На день другой на дне мотни нашли огромную белугу

И подивились все вспоротой по всей длине брюшине.

Обречённая на смерть задолго до того, как вытянули из

реки

Она лежала на сыром песке по жестокости причине.

Тело бескровное воском желтело,

Взгляд безжизненный направлен в небо.

Дышала сдержанно,

А смерть была свирепа

По телу, когда-то сильному и быстрому,

Предсмертные судороги прошлись рябью мелкой

Живым укором алчности служила.

Кто с дьяволом подземным заключает сделку?

Человека неизвестного вина,

Сотворившего подобное зло,

Словно была и их виной,

Молчание виноватое росло.

Никто тогда и не знал, что белужьи глаза

Видели этот мир, когда не было на свете

Филиппа – самого старшего,

Тони, казармы, ветлы не было, поверьте.

Да что тоня, когда река Белужка ещё не коленила здесь!

А было здесь море в то время далёкое,

Гуляли на нём волны-беляки.

За это время переменилось многое.

Съезжались за белорыбицей ловцы,

Долбили пешнями искристый лёд,

Щупали шестами дно, ставили оханы-режаки.

В ледяных буграх прождавши сей черёд,

Жили, греясь днём работой, ночью – в шалашах у жарни-

ков.

Слушайте историю судьбы белуги – ведь рассказ таков:

Белужонок из икринки вывелся,
С месяц подрастал и креп,
Рачками и водянками питался,
Резвился и попал случайно в сеть.
Человек, выпутывая рыбку,
Нечаянно ему щеглу сломал.
Малёк был брошен в море.
Забившись от боли, он навзничь упал.
Уж не было белуги в тех краях.
Прошло двадцать лет, и рыба вернулась,
Соскучившись по родненьким местам,
На невод снова натолкнулась,
И три-четыре года каждых,
Икру набрав, к верховьям Волги шла
И, ставши вожаком в белужьей стае,
К заветным нерестилищам вела.
Исчезли и морские невода,
И стали забывать о снастях крючковых,
Как в жизнь белуги ворвалось непостижимо что-то.
Не знала тайн морских.
На Волгу грохочущее что-то навалилось
И в сокрушающее оно же обратилось.
В неравной борьбе с водотоками
Обессиленно шла правым краем отлогим
Речной впадины, продолжала она, уйдя вглубь,
Идти против воды усилием немногим.

Дошла до стены и затаилась.
Здесь было тихо, и ей повезло.
Раздвинулись мшавые стены,
И в шлюз её вовлекло.
Что было дальше с ней – отвлечёмся
Покуда, что стало теперь,
Разбираться приходится,
Учудил с нею всё что за зверь.
Вызвали инспекторов рыбохраны.
Это Мишка-большой и Мишка-малый.
Приехал Лебёдкин, тот самый начальник,
А рядом и Шашин-милиционер,
Который рулетку достал из кармана:
Белуги узнать хотел он размер.
Весь материал дознания и рабочих показания
В протокол он записал, экземпляра два раздал:
И Филиппу, и Усману. Третий у себя держал.
И между тем на Лицевой
Жизнь шла своим чередом:
Вахта сменялась вахтой,
И так, замыкаясь кольцом,
В пересменках сдавали рыбу.
С моря двинулись косяки
Сазана, леща, а значит -
Веселятся сейчас рыбаки:
Уловы богатые – заработки знатные.

Но одна лишь назрела проблема.
Картина выходит страшилищем:
Икра гибнет, что нужную воду
Не спускает водохранилище.
И проблемой была для Филиппа,
Не нашёлся ль виновный такой,
Что шалить перестал, затаился
И за чёрное дело с враждой.
На случай иной за Лицевой
За три плёса установили пост.
Видно только, что у яра
С удочкой турист-рыболов.
И вот в ожидании тёплой дружной весны
Сбросили лишние запасы воды.
И одновременно похолоданье началось.
Задерживалось большой воды поступление.
И тогда-то придержали сброс.
К чему совершать сей изменения?
Не оставаться ж на лето без воды?
И гидростанции же не останавливать?
Мальков как спасать теперь?
Прикажете все их вылавливать?
Икра выливалась не в мелководе,
А в холодную воду глубоких рек,
Неспособную жизнь поддержать в икринке
Беспомощной малой. Пойми, человек!

Давайте вернёмся к белуге. Когда затянуло в шлюз,
Боялась белуга шумихи, не в силах нести этот груз.
Шум из шлюза в шлюз движение судов создавало,
Вспугнул он белугу – картине ужас придавал он.
Она, неразумная, кинулась молнией
С тихой струи в заверть тугую,
И в миг подхватило и закрутило
Сильную тушу, лихую
И бросило вниз, и сил не осталось
Махалкой, плавниками шевельнуть.
Если иногда и удавалось,
То разве что только чуть-чуть
Тело не слушалось вовсе, а двигалось и жило,
Воле реки подчиняясь, уйдя под её крыло.
Движение бешеное в секунды считанные
Белуге той – муки испытанные.
Вода под конец сжала с боков
И бросила под заслонку
В ступу водяную – уже в котловине
А боли-то столько!
Холодные вихри её подхватили
И вниз по реке понесли.
Из струй их цепких силится вырваться,
Но боли в тело вросли.
Вскинувшись остервенело,
Почувствовала в жабрах боль.

Ощущать и видеть потеряла способность.
Не сыграна блестящая роль.
Будто снулая, перевернулась кверху брюхом
И течением уносимая на поверхность всплывала.
Из жаберной прорехи боковой сочилась кровь.
В борьбе такой она уж больно пострадала.
А внизу у самого дна,
Исполняя недобрую службу,
Торчал забытый штырь.
Для нас для всех – это чуждо.
Не убран строителями металлический штырь,
И следом количество стержней огромно.
Навстречу воде целят острые жала.
Их буйство и сила совсем вероломны.
Аквалангисты спустятся позднее,
Сфотографируют они бездушный мир.
Железа и бетона кладбище подземное,
Что рыбакам служит пунктир.
Заставят строителей рыбаки
Расчистить дно котлована,
Подходные пути к плотине,
Но позже возьмётся за это охрана.
А пока дно железом усеяно,
Сплывает по Волге белуга,
Искорёженная, изуродованная,
И для кого теперь заслуга?

Звено Усманово направилось в баньку к нему
Раздеваясь, Усман роняет протокол с кармана.
Сам в баньку париться решил отправиться,
А Пётр между тем вчитался в строки без обмана:
«Старая зарубцевавшаяся рана на скуле...» -
Слова из протокола задуматься заставили
«Та самая белуга! – его озарило. –
Что зазубрины в руку вонзились, отправили
С Усманом вдвоём на весы.
Теперь выжидались часы.
Но стоит приоткрыть завесу
О жизни тех героев,
Сыгравших значение в разгадке.
Не всё же в истории гладко.
Когда прибыли в гости к Усману,
Ждала их Марья, девчата не дома:
Две старшие дочки в соседнем селе,
Тётку проведать ушли. Не без шторма
Последняя дочь – поскрёбыш резвится,
А третья в школе – и ей ведь учиться
Мужу полная противоположность Марья,
Узкотелому, поджарому, с опалым лицом-
Широкобёдрая, крупнокостая,
С улыбочивым смуглым лицом.
Наскоро мужу бельё собрала,
Баню к приезду она прибрала.

А вот Филиппа дома совсем никто не ждал,
Избу осиротевшей застал он после фронта
Десятилетний сын оставлен мамой у тётки,
Самой же жене быть за горизонтом.

Укатила с проезжим то ли в Сибирь,
То ли вообще на Урал.

Окна заколочены, зарос бурьяном двор,
И Филипп спешить не стал
Приводить в порядок дом: крыша прогнила.
Был разнорабочим – так жизнь его слыла.
Жениться зарёкся. Варить, мыть, стирать
Освоил с годами себя содержать.

И вот он после баньки попивает чай,
Совсем того не зная, гостей встречай
Спешит к нему наш Пётр,
Как будто на осмотр,
Чтоб рассказать, что знает,
Кто значит виноват,
Усману от тогда же сказал про ту белугу,
Но для него сей суд чреват.

Он знал, что то Аноха,
Мошенник, все то знают,
Но за руки с поличным не поймал.

Улики не спасают.

Давно ведь та белуга
Разделана в консервы.

Не доказать, что щегла повреждена была
«Для нас с тобой мертва,
Прибереги ты нервы!» -
Усманом сказаны Петру слова.
«У Аноха семь бала,» – владея плохо русским,
А значит семь детей -
Его в тюрьму посадят,
Ты прокормить семейство подобное сумей.
Бумажный лист был вырван
Из рук и вдруг разорван на мелкие все части.
Прикрыл-таки он вора.
«А если человека Аноха твой убьёт? -
не отставал-то Пётр – «И он тогда ж гуляет?»
«Зачем же так сурово! – не вытерпел Усман –
«Тогда-то решётка! – узбек и размышляет –
В тюрьме убийце место,
А так лишь равно озорству
Что белугу нынче отдал
В жертву божеству»
Теперь младой к Филиппу мчится,
Всё рассказать рушит.
Как рассказал, старшой обдумал,
Совет какой ему внушит
«Аноха – тот ещё пройдоха! –
Решил тогда Филипп
Мы что-нибудь придумаем!

Проучим вора рыб!»
Подключим свояков –
Большого Мишку, малого -двоих инспекторов.
И что труда немалого уйдёт на это дело,
Заявлю я смело!
А меж тем и сами Мишки догадались оба,
Что Анохи всё же рук ведь, того ещё зазноба.
Решили караулить на Каменской воришку.
И стали есть, и чаю пить с такою-то мыслишкой.
Но вспомним теперь и белугу,
Когда её силы оставили.
Сплывала она по течению
Немало дней и ночей,
Пока в низовье не окрепла развалюга,
А вешние воды доставили
В устье Волги, к завершению
Оказалась белуга мощней.
Приближался икромёт. Рыба в сторону плывёт,
В Каменскую сторону, в морскую синеву.
Когда-то она здесь метала икру,
И тут не случится быть ведь добру.
Молниями голубыми белуги одна за другою
Метнулись в проран. Шансы были нулевыми
Голубою полосою попали белуги в капкан.
Рыбье стадо разнопородное
Только помнит раздолье свободное.

Было дело ночью холодною,
А утром съехались ловцы,
Сузили мотню гребцы, рыбы – за волю борцы
Оказались все в лодке.
Рыбаки своей находке
Радовались от души. Сей здоровые мужи
Белуге под жабры просунули
Колючую хребтину-кукан,
Бедняжку бросили за борт -
Таков выполнялся их план.
На кукане рыб долго держали,
Пока с севера шквал подоспел.
Спас тогда он белугу -
И в том всему свой удел
Перетёр кукан он о борт,
Ушла белуга вглубь.
Верёвка в жабрах сгнила, отвалилась,
Остался только заруб.
Вновь до Каменской дойдя, не знала белуга, друзья,
Что день её смертный настал, читатель уж это прознал.
Меж тем о другом разговор,
Пётр ушёл, с Усманом же спор
«Чего ты жулика городишь?» -
Филипп пытается Усмана
«Когда я рос без отца,
То сидели без денег в карманах.

У Анохи ведь семь ребятишек
А белуга – совсем не излишек»
«Твой отец погиб на войне. -
Поправляет Филипп его
Защищал он родную страну,
В том благо, тепло и добро.
А этот браконьерничает, грабит,
Детей его в беде не оставят»
И решил начальник тони: «Объяснительную пиши!»
Разозлился Усман тогда и из дома его айда.
Пётр вскоре спросил Филиппа:
«Что ж и будет Аноху Усман прикрывать?»
Филипп же решил про то промолчать,
Что ночью разговаривал с Усманом
Что тот совсем прикрылся партизаном.
«Того пойми, что рос Усман наш без отца,
На иждивении пятеро младших
И мама с здоровьем увядшим.
Я не оправдываю нашего ловца.
От того-то он Анохиных детей жалеет,
Указать на жулика совсем не смеет»
Ранее Пётр узнал ненароком
От Филиппа о директоре завода,
Что человек он справедливый,
Авторитет среди народа,
Не ищет лёгкости в пути

И так детей своих учил.

«Он бы Гришатку при себе оставил,

А в неводные к нам направил,

Чтоб жизнь-то сладкой не казалась,

Таких Лебёdkов строгих правил!»

Зауважал тогда Гришатку Пётр,

И откровенный вёл с ним разговор,

Тут все догадки молодого указали,

Что в самом деле тут Аноха – вор

«Не будет хранить он икру на приёмке,» -

Уверенно Гриша сказал.

«Хорошо я знаю здешние места» -

И план по поимке создал.

Решили искать после смены,

И не быть решенью отмене.

Пока наши двое вели разговор,

Другие же двое вели о другом.

То был Мишка-малый и Мишка-большой,

Как быть с Анохой решали вдвоём

«Больше нормы надёргал на удочку

Стало быть, переступил закон.

Ну сгубил одну белугу малость,

Так не один такой прохвост ведь он.

Судом судим за рыбину одну,

Тыщу сгубим – виновных не найду.

Однажды повальный валеж приключился,

В верхах дамбу прорвало,
Нечисть отравная Волгой пошла,
Воды тогда не стало.

Пить вовсе запретили, из худуков степных возили.

А снуля тогда плыло сколько! Красной рыбы гинуло
столько!

Большие люди злодейство совершили. Лишь месяц их су-
дили-рядили,

Не разобрались вконец, кто не прав, кто-молодец

А нынче с водой какой кавардак,

И тыща Анох не смогут причинить вреда.

Моду взяли в море нефть проливать.

Рыбе погибель – хуже всяких атак.»

Пока велась беседа, перебил малой соседа.

Видят, Шашин подоспел прям к Анохе в дом,

Иль ошиблись, мол не он,

Решили проследить тайком,

Судёнышки сблизилась, Шашина признали.

До райцентра Аноху везёт – у Шашина узнали.

А Гриша с Петей всё искали.

Как Гриша дерево вспомнил,

Толстенное дерево в два обхвата

Было когда-то.

Гриша запомнил: молния как шибанёт -

Ствол на три метра остался,

Огромное дупло затем образовалось.

И Гриша тут вовсе не ошибался.
Он помнит когда-то мальчишкой
Играл здесь в войну.
Он прятался тогда же тут,
Доверившись бревну.
Нашли в дупле мешок икры -
Вот и развязка ребячьей игры.
Сообщили мальчишки Филиппу,
Он же мишкам о том сообщил,
А прибыли к месту с уликой -
Так мешка там и след простыл
И вот белуга поймалась вновь в сети,
Два мужика схватили под жабры -
А ночью Аноха явился бесчестный,
И был мешок икры им набран.
Нашарив в кормушке топор,
К делу приступает вор.
Что-то завозилось под белугой,
Остро кольнуло в брюшину,
И тут же наверх потянуло,
Не успев плавником запрокинуть.
Поднялось над водой тупое рыло,
На него что-то обрушилось и оглушило.
Пришла в себя она уже на дне реки.
Резкая боль разрушала брюшину.
Не слушались махалка, плавники

Сей был удар врага прям в спину.
Когда вновь двое рыбаков поднять её сумели,
Жизнь безвозвратно угасала в её теле.
Когда Аноха принялся за нож,
Привычно он его вонзил в то рыбье тело.
Он три ведра успел набрать с него,
Гудение мотора испортило всё дело.
Аноха струсил, спихнул белугу за борт.
Он спрятал три ведра – а-то ведь рапорт!
Водой следы преступные смывал.
А прибыл это Шашин-участковый,
Ему достал он водки поллитровой.
Что браконьерствует Аноха – Шашин знал.
Аноха и икрой тут угощал
Что не засолена как надо, возмущался Шашин.
Он три ведра заметил и сказал:
«Чтоб всё как надо было, а не как вчерашен.»
Прошла неделя с белужьей смерти,
И Шашин за обещанным пришёл.
Икры мешок они вдвоём вернули.
От встретившихся Мишек удачливо ушёл,
Но догадался Мишка-большой и малый тоже,
Большой Михаил растолкал райинспектора
Тот начальнику милиции позвонил.
Он расстроился новости сектора.
Кому ж охота у себя нарушителя иметь!

Обещался в этом деле Шашина не пожалеть.
Вот настал конец истории печальной,
И раскрыта суть проблемы глобальной.
Героев сей повести роли велики.
Об охране рыб идёт речь в этой книге.